

Елена Арсеньева

«Ступайте царствовать, государь!» (Александр Первый, Россия)

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Преступления страсти. Жажда власти

Елена Арсеньева

**«Ступайте царствовать,
государь!» (Александр
Первый, Россия)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

«Ступайте царствовать, государь!» (Александр Первый, Россия) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Преступления страсти. Жажда
власти)

ISBN 978-5-699-28825-0

«Той мглистой весной 1801 года русский двор, запертый в Михайловском замке, охранявшемся наподобие средневековой крепости, влачил скучное и однообразное существование. Поместив свою признанную любовницу, княгиню Гагарину, и непризнанную, мадам Шевалье, здесь же, император Павел уже не выезжал из дворца, как это он делал прежде. Даже его верховые прогулки ограничивались так называемым третьим Летним садом, куда, кроме самого Павла, императрицы и ближних лиц свиты, никто не допускался...»

ISBN 978-5-699-28825-0

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева **«Ступайте царствовать,** **государь!» (Александр Первый, Россия)**

Той мглистой весной 1801 года русский двор, запертый в Михайловском замке, охранявшемся наподобие средневековой крепости, влачил скучное и однообразное существование. Поместив свою признанную любовницу, княгиню Гагарину, и непризнанную, мадам Шевалье, здесь же, император Павел уже не выезжал из дворца, как это он делал прежде. Даже его верховые прогулки ограничивались так называемым третьим Летним садом, куда, кроме самого Павла, императрицы и ближних лиц свиты, никто не допускался.

Аллеи парка или сада постоянно очищались от снега, но все-таки казались тесными и неудобными. Во время одной из прогулок (это было 11 марта) Павел вдруг остановил коня и, оборотясь к шталмейстеру Муханову, оказавшемуся рядом, взволнованно сказал:

– Мне кажется, я задыхаюсь, мне не хватает воздуха! Я чувствую, что умираю. Неужели они все-таки задуют меня?

Оторопевший при виде его безумных, остекленевших глаз, Муханов пробормотал:

– Государь, это, вероятно, действие оттепели.

– При чем здесь оттепель? – раздраженно воскликнул Павел. – Вот послушайте, какой я видел нынче сон! Снилось мне, будто какие-то люди в масках долго втискивали меня в парчовый тесный кафтан. Было это столь мучительно, что я едва не кричал от боли.

– Сон есть сон, – рассудительно произнес прозаичный Муханов. – Я, как человек просвещенный, снам не верю. Все это бабушкины сказки, а душно – к оттепели.

Павлу было что возразить Муханову. Как-то ему приснилось, будто некая невидимая и сверхъестественная сила возносит его к небу. Он часто от этого просыпался, опять засыпал и вновь бывал разбужен повторением того же самого сновидения. И что же? В Гатчину, где пребывал Павел (в то время еще только цесаревич, изрядно задержавшийся в этом звании), прибыл из Петербурга гонец, Николай Зубов, брат Павла, фаворита императрицы Екатерины, и сообщил Павлу Петровичу, что его матушка-императрица помирает. И померла! И вознесло его наконец на престол – сон оказался вещим. А ну как и этот... неприятный, страшный...

О неприятном и страшном думать не хотелось, поэтому император более ничего не сказал своему разумному и просвещенному шталмейстеру, только головой покачал, и его неприятливое лицо сделалось еще более сумрачным. Так в молчании и возвратились во дворец.

В тот вечер в замке был дан концерт, а потом ужин. Госпожа Шевалье в малиновом «мальтийском» платье (император Павел был магистром Мальтийского ордена в России и всем цветам предпочитал малиновый – цвет мантий кавалеров ордена) пела, однако император, против обыкновения, обращал не много внимания на ее рулады. Он находится в самом худшем своем настроении. Императрица Мария Федоровна тоже казалась обеспокоенной. Великий князь Александр и его супруга Елизавета Алексеевна поглядывали на нее с тревогой, но в то же время пытались скрывать свое настроение от государя.

Между концертом и ужином тот вдруг удалился, не сказав никому ни слова, и долго отсутствовал. Наконец воротился. Стал перед Марией Федоровной и принялся смотреть на нее с насмешливой улыбкой, скрестив на груди руки и тяжело дыша. Это служило у него признаком гнева, поэтому императрица мгновенно встревожилась и сидела ни жива ни мертва, не смея слова сказать своему неприятному и грозному супругу. Она с явным облегчением перевела дух, когда он отошел, однако теперь настал черед дрожать великим князьям, перед которыми Павел повторил свои пугающие маневры. Затем он резко прошел в столовую.

Принц Евгений Вюртембергский, недавно привезенный из скромненького германского княжества с явным намерением пострасцать наследника Александра Павловича (вот возьмет папенька, да передумает, да посадит на трон этого худородного кузена!), еще не привыкший к таким «шуточкам», испуганно спросил Шарлотту Ливен, воспитательницу великих князей, присутствовавшую здесь же:

– Что это значит?

– Это не касается ни вас, ни меня, – сухо ответила она.

Сели за стол. Нынче вечером здесь царила гробовая тишина.

Обыкновенно Павел приказывал призвать шута Иванушку, который беззастенчиво кривлялся: император, капрал по сути своей, любил самые грубые шутки, не чувствуя ни малейшей неловкости, когда Иванушка отпускал скабрзности и сальности в присутствии дам. Однако несколько дней назад Иванушка крепко проштрафился, когда, желая развлечь общество, вдруг начал весело гадать, что от кого родится.

От Марьи Федоровны должны были родиться ангелочки, крылышки, салфеточки и прочая такая же дребедень. От великой княгини Елизаветы, нежной красавицы, – бутоньерки с цветами. Вообще в тот последний вечер во дворце Иванушка был с дамами весьма галантен, против своего обыкновения. Это наскучило императору. Вцепившись в ухо шута так, что тот взвыл, Павел спросил:

– А от меня что родится?

– От тебя? – простонал шут, все еще кривясь от боли. – Кнуты да розги, штрафные роты и шпицрутены, а еще тараканы да пауки восьминогие.

При его словах все присутствующие невольно взглянули на мальтийские кресты, украшающие одежду каждого. В них и впрямь было что-то паучье, даже странно, что никто не замечал этого раньше. Осмотрелся и Павел – и явственно побледнел. Он сделал попытку содрать мальтийский орден с рукава и груди, потом одумался и, с силой отшвырнув Иванушку, перекрестился. А затем обрушил на шута всю силу своего гнева, в котором явственно сквозил ужас. Раньше Иванушке сходило и не такое, однако в тот вечер ему не повезло.

С тех пор за ужинами стало тихо, невесело, но такой поистине гробовой тишины, как в тот вечер, не было еще никогда.

По окончании трапезы великие князья и княжны хотели, по обычаю, приложиться к руке императора, поблагодарить его, но он растолкал детей и направился к выходу. Александр, неважно чувствовавший себя в последнее время – то ли от волнения, то ли простудившийся в вечной сырости Михайловского замка, – громко чихнул.

– Исполнения всех желаний, ваше высочество! – иронически воскликнул император.

Александр невольно пошатнулся. Императрица отчего-то вдруг громко заплакала. Император взглянул на нее, передернулся и, бросив фразу, которой потом был придан особенный, роковой смысл: «Чему быть, того не миновать!» – твердой поступью направился в покои княгини Гагариной.

В этот вечер Павел не уходил от своей любовницы долее обыкновенного. Он даже написал у нее несколько писем, в том числе – все еще болевшему графу Ливену, военному министру. Анна Гагарина наконец-то добилаь от императора серьезного подарка: он решился заметить Ливена мужем фаворитки, молодым человеком, не имевшим ни образования военного, ни опыта, представлявшего собой полное ничтожество. Однако он кропал чувствительные, хотя и маловразумительные стишки и был чрезвычайно снисходителен к милым шалостям супруги с императором. Еще один Амфитрион!

Ливену Павел объявил о своем решении в таких выражениях:

«Ваше нездоровье продолжается слишком долго, и так как дела ваши не могут прийти в порядок от ваших мушек, то вы должны передать портфель военного министра князю Гагарину».

Ливен болел немногим больше месяца, но о понятии справедливости Павел имел очень отдаленное впечатление.

Затем государь отправился в свою комнату, запер покрепче дверь, ведущую в покои императрицы (чтобы законная жена, Боже упаси, не вошла к нему среди ночи!), и улегся в постель.

Он лежал без сна и вспоминал одну странную историю, приключившуюся с ним около двадцати лет назад, в ноябре 1781 года.

В тот осенний вечер великий князь Павел отправился на прогулку со своим приятелем, Александром Борисовичем Куракиным, одним из немногих людей, которым он доверял. Мало было удовольствия идти вдоль Фонтанки под ветром, однако разговор они вели откровенный, а во дворце Павел опасался чужих ушей.

– Я превращен в какой-то призрак, – говорил Павел. – Я поставлен в самое постыдное положение, потому что не допущен ни к какой реальной власти.

– Но ведь ваша матушка еще, по счастью, жива, – возражал Куракин. – О какой реальной власти можно теперь говорить?

– То, что она творит с высоты своего положения, всецело основано на славолубии и притворстве. О торжестве закона никто и не помышляет! Я мечтаю о внедрении среди дворянства строго нового мышления, основанного на четком понимании своих прав и обязанностей.

– Ну, насчет прав, как я понимаю, никто не возражает, ваше высочество. А вот насаждение обязанностей... – хмыкнул Куракин.

– Это да! – сурово кивнул Павел. – Просто-таки помешались все нынче на своих правах. Или вот еще – на идеях каких-то. Что за дурацкое словечко – идеи? Не идея никакая, а мысль! Раньше попросту говорили – «я думаю». Теперь – «мне идея в голову пришла». Как пришла, так и ушла, в голове ничего не сыскавши! Вот и государыня-матушка тоже об том же. Надо же такое измыслить: учреждать воспитательные дома и женские институты, чтобы создать «новую породу людей». Заладили болтать, как во Франции: равенство, братство! Доведут с такими-то глупостями страну до революции. Чтобы все были равными, надо прежде всего одеваться одинаково. А то на одном лапти, на другом стоячий воротник до ушей с таким галстухом, что от него помадами и духами за версту несет. У одного на столе пустые штаны, у другого восемнадцать перемен блюд, да еще роговая музыка под окнами играет. А надо как? Ежели шляпы – у всех одинаковые, треугольные, никаких круглых. Ежели пукли – у всех одни и те же, по три штуки справа и слева. Вот тебе и вся «новая порода». Люди, говорю я ей, должны по ранжиру быть расставлены, каждый на своем месте, как в гвардии на посту: пост сдал – пост принял. Никаких глупостей, никакого вольнодумства! А если что не так – сечь до потери сознания, а то и пушками, пушками... И все как рукой снимет. Непорядка в стране меньше будет. И знаешь, друг Куракин, что мне матушка ответствовала? Ты, говорит, лютый зверь, если не понимаешь, что с идеями нельзя бороться при помощи пушек...

– Ну что вы хотите, сударь, ваша матушка все-таки женщина. Не может ведь женщина повсюду бегать сама, входить во все подробности, – примирительно отозвался Куракин, слышавший все это не в первый и не в десятый, а по меньшей мере в сто первый раз: недовольство цесаревича буквально каждым шагом матери-императрицы давно стало притчей во языцех.

– Конечно! – вспыхнул Павел. – В том-то и дело! Потому-то *ma chienne nation*¹ только и желает, чтобы им управляли женщины. Ты вспомни: на русском престоле уже почти шестьдесят лет сидят бабы! Надо выдвинуть в ущерб им принцип мужской власти. Власти, а не этих юбок... То им фижмы, то кринолины, то мушки, то еще что-нибудь. И в государственных делах так же: что в голову взбредет, то и сотворю. Когда я достигну престола, буду входить во все подробности управления. Помяни мое слово.

---

¹ Здесь: Мой дрянной народ (франц.)

Александр Куракин молчал.

– О чем ты подумал? – взволнованно спросил Павел тонким, злым голосом. – Я знаю, о чем ты подумал! Что мне следовало бы сказать не «*когда я достигну престола*», а «*если я его достигну*»! И не возражай. Я знаю. Я вижу тебя насквозь!

Да, то, что он влачит затаенную судьбу наследника при женщине-императрице, было для Павла постоянным больным местом и даже не любимой мозолью, а открытой раной. Мать и сын находились в состоянии бесконечной дуэли. Павел был просто помешан на том, что он достоин большего, в то время как права его попираются, отчего гордость и обидчивость развились в нем до непомерной, преувеличенной степени.

К тому же в нем никогда не утихали сомнения, в самом ли деле он сын покойного императора Петра Федоровича. Хотя вполне достаточно было бы просто посмотреть в зеркало, чтобы получить доподлинный ответ: сходство отца и сына было разительным. Однако к этому вопросу Павел продолжал относиться с поистине инквизиторским любопытством. Стоило ему увериться, что он истинно сын Петра, как честолюбивые устремления вспыхивали в нем с новой силой, он начинал ненавидеть мать... совершенно упуская из виду (со свойственной ему пристальной внимательностью к мелочам, но неумением делать из них глубинные, логические выводы), что по законам Российской империи он не имеет никакого права на престол. Прежде всего потому, что закона о престолонаследии в Российской империи никогда не было.

Нет, ну в самом деле! Трон в России всегда переходил «по избирательному или захватному праву», а проще сказать, «кто раньше встал да палку взял, тот и капрал». Петр Великий помнил старинную «правду воли монаршей», то есть произвольную власть государя самому выбирать себе наследника, но сам он не успел воспользоваться тем правом, вот и пошла после него череда императоров и императриц, захватывавших русский трон при помощи государственных переворотов. Елизавета Петровна, надо отдать ей должное, выбрала себе законным преемником Петра Федоровича, отца Павла, но сам-то Петр ничего не сделал для интересов своего сына. Таким образом, после его смерти Павел в глазах закона был полное ничто и всецело зависел от произвола матери. Это и сводило его с ума.

Он жил, никому не веря. Первая жена, немецкая принцесса Вильгельмина, в крещении Наталья Алексеевна, изменяла ему с лучшим его другом, Андреем Разумовским, заядлым пожирателем женских сердец. Совсем даже не факт, что ребенок, при рождении которого она умерла в апреле 1776 года, был его сыном, а не русского Казанова. Вторая жена, Мария Федоровна, она же принцесса София-Доротея, была достойна Павла мелочностью и придирчивостью ограниченного ума... К тому же она так же строила замки своего честолюбия на пустом месте и неустанно подогревала устремления своего мужа, хотя в вопросах государственной власти понимала еще меньше, чем в грамматике и правописании, в которых была не просто слаба – понятия о них не имела.

Павел порою ненавидел жизнь, потому что она была исполнена страдания. Он жил, ни на кого не надеясь, всех постоянно подозревая в злоумышлениях, по крайности – в скрытых издевках. В глубине души он чувствовал слабость своего характера, но признать ее было для его непомерной гордыни невозможно. Он яростно завидовал своему великому предку Петру Алексеевичу. Если бы обладать такой же мощью натуры, такой твердостью духа, такой богатырской статью, жизненной силой! Тогда мать трепетала бы перед ним, а не он перед нею! А он трепещет, увы, и презирает себя за это, и ненавидит, еще пуще ненавидит ее...

Внезапно Павел заметил в глубине одной подворотни очень высокую фигуру, завернутую в длинный плащ, в военной, надвинутой на лицо треугольной шляпе. Похоже было, человек ждал кого-то, однако, когда Павел и Куракин поравнялись с ним, он вышел из своего укрытия и пошел слева от Павла, не говоря ни слова.

Павел оглянулся. Станным показалось ему, что на охрану появление сего человека не произвело никакого впечатления, хотя несколько минут назад они палками отогнали прочь

какого-то нищего, который спяну вздумал просить милостыньку у императора. Куракин тоже шел с равнодушно-сонным видом, погруженный в какие-то свои мысли.

Впрочем, прислушавшись к себе, Павел вдруг ощутил, что не испытывает никакого страха. Мысль о том, что странный человек может быть убийцей, не трогала его сознания. Удивительным казалось только то, что ноги неожиданного спутника, касаясь брусчатки, издавали непонятный звук, словно камень ударялся о камень. Павел изумился, и это чувство сделалось еще сильнее, когда он вдруг ощутил ледяной холод в своем левом боку, со стороны незнакомца.

Павел вздрогнул и, обратясь к Куракину, сказал:

– Судьба нам послала странного спутника.

– Какого спутника? – спросил Куракин.

– Господина, идущего у меня слева.

Куракин раскрыл глаза в изумлении и заметил, что у великого князя с левой стороны никого нет.

– Как? Ты не видишь человека между мною и домовою стеною? – удивился Павел, продолжавший слышать шаги незнакомца и видеть его шляпу, его мощную фигуру.

– Ваше высочество, вы идете возле самой стены, и физически невозможно, чтобы кто-нибудь был между вами и оною стеною, – благоразумно возразил Куракин.

Павел протянул руку влево – и точно, вместо того чтобы схватить незнакомца за плечо, ощупал камень. Но все-таки незнакомец находился тут и шел с цесаревичем шаг в шаг, и поступь его была как удары молота по тротуару.

Павел взглянул на него внимательнее прежнего. Тот как раз в то мгновение повернулся, под шляпой сверкнули глаза столь блестящие, каких он не видал никогда ни прежде, ни после. Они смотрели прямо на Павла и, чудилось, околдовывали его.

– Ах! – сказал он Куракину. – Не могу передать тебе, что я чувствую, но только во мне происходит что-то особенное.

Павел начал дрожать – не от страха, но от холода. Казалось, что кровь застывает в его жилах. Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного спутника, раздался глухой и грустный голос:

– Павел!

– Что вам нужно? – откликнулся тот безотчетно.

– Павел! – опять произнес незнакомец, на сей раз, впрочем, как-то сочувственно, но с еще большим оттенком грусти.

Потом он остановился. Павел сделал то же.

– Павел! Бедный Павел! Бедный князь! – раздался голос.

Павел обратился к Куракину, который также остановился, удивляясь, что происходит с его высочеством.

– Слышишь? – спросил Павел взволнованно.

– Ничего, – отвечал тот, – решительно ничего.

– Кто вы? – сделав над собою усилие, спросил цесаревич, и Куракин вздрогнул, потому что ему показалось, будто Павел сошел с ума: он разговаривал с пустотой. – Кто вы и что вам нужно?

– Кто я? Бедный Павел! Не узнаешь? А ведь ты только что вспоминал меня. Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Не разводи пауков в доме своем, не то они задавят тебя.

Произнеся столь странную речь, незнакомец в плаще снова двинулся вперед, оглядываясь на Павла все тем же проницательным взором. И как тот остановился, когда остановился его необычный спутник, так и теперь он почувствовал необходимым пойти за ним.

Дальнейший путь продолжался в молчании, столь напряженном, что и встревоженный Куракин не мог сказать ни единого слова.

Наконец впереди показалась площадь между мостом через Неву и зданием Сената. Незнакомец прямо пошел к одному, как бы заранее отмеченному, месту площади. Великий князь остановился.

– Прощай, Павел! – произнес человек в плаще. – Ты еще увидишь меня опять здесь. Помни: берегись пауков!

При этом шляпа его поднялась как бы сама собой, и глазам Павла представился орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка... его прадеда Петра Великого.

– Не может быть! – вскричал Павел, едва не теряя сознания от страха и удивления. А когда пришел в себя, никого, кроме них с Куракиным, уже не было на пустынной площади.

На этом самом месте летом будущего года императрица Екатерина Алексеевна возведет монумент, который изумит всю Европу. То будет конная статуя, представляющая царя Петра, помещенная на скале. И вовсе не Павел посоветовал матери избрать данное место, названное или, скорее, угаданное призраком. Он вообще опасался вспоминать о той ночи и не знал, как описать чувство, охватившее его, когда он впервые увидел памятник Петру. Но тот холод, который пронизал его слева, он словно бы продолжал ощущать до конца жизни. И его не оставляла уверенность, что, хоть Петр явился поговорить с ним, он сделал это не из сочувствия, не из расположения, а из некоего жалостливого презрения к своему потомку.

Павел никогда никому не верил! Даже призракам.

А слова о каких-то там пауках показались ему сплошной невнятицей. Или он только делал вид, что не понял их?

Но вот сейчас, ночью, он смотрел на свой шлафрок, брошенный около кровати на пол и усеянный, как и вся прочая одежда, эмблемами Мальтийского ордена – крестами, – и видел в них многочисленные изображения пауков, которых он сам впустил в свой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.